

Александр Восьмой

Роман 10. «Урок,
который не закончился»

18+

Александр Восьмой

**Роман 10. «Урок,
который не закончился»**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Роман 10. «Урок, который не закончился» / А. Восьмой —
«Автор», 2026

В лекционном зале университета двадцатилетний Оптима встаёт посреди пары по «Машинной Логике». Тишина. Преподавательница Наталия Новикова — строгая, собранная, недостижимая — смотрит на него поверх очков. Он говорит: «Я похищу вас. Не сейчас. Когда вырасту. Через десять лет вы будете моей.» Аудитория смеётся. Наталия Новикова ставит в журнале красную точку и продолжает лекцию о бинарных деревьях решений. Но что-то в его глазах не отпускает её весь оставшийся день, и весь оставшийся год, и все девять лет после. Это книга о зарождении одержимости, которую ни один из них не назвал любовью. О парне, который не шутил. О женщине, которая слишком поздно это поняла.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Роман 10. «Урок, который не закончился»

Глава 1. Дерево решений

Лекционный зал тонул в полумягком свете проектора, и бинарное дерево на экране казалось картой всех возможных судеб — каждый узел, каждая ветвь шептали о выборах, которых никто не хотел делать. Наталия Новикова двигалась между рядами с той самой «ледяной фактурой», о которой шептались студенты: ни улыбки, ни лишней интонации, только безупречная логика, звенящая, как сталь.

На четвёртой паре, в той особенной тишине, что возникает между двумя слайдами, будто весь мир замирает, чтобы услышать следующее слово, со своего места поднялся парень с чёрными, бездонными глазами. В аудитории привычно шуршали ручки, кто-то зевал, кто-то прятал телефон, но тут всё стихло.

— Я похищу вас, — сказал он спокойно, будто озвучивал расписание следующей лекции. — Не сейчас. Когда вырасту. Через десять лет вы будете моей.

Зал взорвался смехом — лёгким, нервным, тем самым, что рождается из неловкости и желания не остаться единственным, кто не понял шутки. Кто-то выкрикнул что-то про «машинную логику», кто-то хлопнул соседа по плечу. Наталия не дрогнула. Она лишь поставила в журнале ту самую красную точку — её фирменный знак нарушения дисциплины. И продолжила, будто ничего не случилось:

— Узел имеет два возможных исхода. Выбор определяет ветвь. Ветвь определяет последствия.

Оптимизм. Его поза была расслабленной, почти небрежной, но глаза... они не моргали. В этой неподвижности было что-то пугающе искреннее — как если бы он уже жил в том будущем, где её нет рядом с кем-то другим.

И когда лекция закончилась, когда студенты потянулись к выходу, толкаясь и снова смеясь над этой нелепой фразой, Наталия задержалась у доски. Она стёрла мелом бинарное дерево, но линии ещё долго оставались на поверхности — лёгкие, призрачные, как следы того, что нельзя стереть одним движением.

Весь оставшийся день, весь оставшийся год и все девять лет после она будет возвращаться к этому мгновению. К тому, как он сказал это без улыбки, без дрожи в голосе, без желания понравиться. К тому, как его глаза не моргали — и в этом была первая трещина в её безупречной системе.

Трещина, через которую в её мир медленно, неотвратимо просачивалась одержимость.

Глава 2. Красная точка

Красная точка в журнале ничего не значит. Триста таких точек за семестр — мелкие сбои в безупречной системе, которые легко нейтрализовать расписанием и дедлайнами. Но эта точка будто пульсировала, едва заметная, упрямая, как заноза под кожей.

Наталия вернулась домой, привычно поставила чайник, раскрыла конспекты, чтобы собрать новую лекцию, и вдруг поняла: она помнит цвет его глаз — чёрные, без отблеска, будто в них не было света, а была сама тьма, собранная в фокус. Помнит точнее, чем формулу Кондорсе, которую должна была разобрать со студентами завтра.

Она тряхнула головой, будто сбрасывая наваждение. Усталость. Перегруз. Мозг цепляется за аномалию, превращает её в паттерн. Так работает когнитивное искажение — она сама читала об этом, сама рассказывала студентам, как разум ищет смысл там, где его нет.

Чайник щёлкнул, вскипев, и звук этот резанул тишину, вернул её в кухню, в привычный порядок вещей. Наталия заварила чай, села за стол, открыла файл с лекцией, но буквы плыли, складывались не в формулы, а в ту самую фразу: «Через десять лет вы будете моей». Не как

угрозу. Не как шутку. Как обещание, произнесённое с той же спокойной точностью, с какой она сама расставляла акценты в доказательстве теоремы.

Ночью сон пришёл не сразу. И когда пришёл, он был не про работу, не про отпуск, не про мужа, с которым они давно научились обходить острые углы молчанием. Ей снился лекционный зал, полумрак, луч проектора, выхватывающий из темноты только его силуэт. Он не двигался. Не улыбался. Просто стоял там, где быть не должен был, и смотрел так, будто уже наступил тот самый десятый год. Будто время, которое она считала своей опорой, для него было всего лишь переменной, которую можно подставить в уравнение и получить нужный результат.

Проснулась Наталия раньше будильника, резко, будто кто-то позвал её по имени. В комнате было тихо, за окном только начинало сереть небо. Она села на кровати, обхватив колени, и почувствовала раздражение — не на него, не на этот нелепый эпизод, а на себя. За то, что позволила одной случайной фразе пробиться сквозь фильтры её разума. За то, что теперь каждое движение, каждый звук в квартире казались ей частью какой-то другой, скрытой логики, где красная точка в журнале становилась узлом в бинарном дереве, а выбор, который она не делала, уже влиял на ветвь, по которой она шла.

Она встала, умылась холодной водой, посмотрела на своё отражение — строгое, собранное, привычное. И сказала вслух, будто закрепляя правило:

— Это ничего не значит.

Но когда через час она выходила из дома, то поймала себя на том, что смотрит на прохожих чуть внимательнее, будто ищет в толпе те самые чёрные глаза, которые однажды пообещали её похитить. И от этого взгляда, от этого невольного поиска, по спине пробежал не страх — а что-то другое, острое, похожее на предвкушение. Как будто где-то внутри неё уже начала расти трещина — тонкая, невидимая, но способная расколоть всю её безупречно выстроенную реальность.

Глава 3. Нулевое состояние

Наталия Новикова не из тех, кто теряет контроль. Тридцать три года, степень, кафедра, муж-коллега, с которым они общаются на «вы» уже третий год, кот по имени Лямбда, который не мяукает, а будто компилирует звук. Жизнь — алгоритм без сбоев, отлаженный, предсказуемый, и в этой предсказуемости — её сила.

Но после той лекции в алгоритме появилось необработанное исключение. Не ошибка — именно исключение. То, что не описано в правилах, не предусмотрено логикой, не предусмотрено ничем, кроме древнего, дословного, дотекстового инстинкта, который шепчет: *обратил внимание — значит, уже выбрал.*

Она начала замечать Оптиму. Не «обращать внимание» — она и раньше видела все двести лиц, знала, кто списывает, кто спит, кто пишет в тетради стихи вместо конспектов. Это было иначе. «Не замечать не может» — так точнее. Как он сидит: всегда один и тот же ряд, всегда ближе к центру, всегда чуть откинувшись назад, будто не студент на лекции, а хозяин в зале, который терпеливо ждёт, пока остальные закончат свои дела. Как молчит. Не молчит напряжённо, не молчит обиженно — молчит так, как молчат вещи, которые всегда были на месте, просто раньше ты не знала, что они там.

Он не подходил после пар. Не писал записок. Не пытался объясниться, не извинялся, не оправдывался. Ничего из того, что делают двадцатилетние, когда сказали лишнее и боятся последствий. Он просто существовал в пространстве её дисциплины — сидел, слушал, записывал, поднимал руку, когда никто другой не мог ответить, и отвечал так точно, будто уже знал предмет лучше неё.

И от этого существования — тихого, ровного, не требующего ничего, — ей впервые за десять лет академической жизни хотелось отменить занятие. Просто встать и выйти. Не

потому, что боялась. А потому, что в аудитории, где он сидел, воздух становился плотнее. Гуще. Как перед грозой, когда птицы замолкают и небо тяжелеет, и ты знаешь: что-то неизбежное уже началось, хотя гром ещё не грянул.

Она не отменяла. Наталия Новикова не отменяет занятий. Она выходила к доске, открывала ноутбук, запускала презентацию и говорила ровно, размеренно, безупречно:

— Множество допустимых состояний системы ограничено правилами перехода. Из нулевого состояния возможны только те переходы, которые заданы архитектурой.

И на этих словах каждый раз — каждый! — она чувствовала его взгляд. Не жадный, не наглый, не оценивающий. Взгляд человека, который уже знает, что нулевое состояние не forever. Что архитектуру можно изменить. Что правила перехода пишутся заново тем, у кого хватает воли переписать систему.

Кот Лямбда вечером ложился ей на колени и смотрел своими жёлтыми глазами, будто спрашивал: «Ты в порядке?» Муж-коллега звал ужинать из кухни, и голос его был ровным и далёким, как радиосигнал из другой галактики. Наталия гладила кота, отвечала «да, иду», и думала не о муже, не о коте, не о лекции.

Она думала о том, что нулевое состояние — это точка, из которой система ещё может вернуться. Ещё можно сбросить. Ещё можно стереть. Но каждое следующее состояние зависит от предыдущего, и если сделать ещё один шаг — ещё один взгляд, ещё одно молчание, ещё одно утро, когда просыпаешься раньше будильника, — возврат будет стоять дороже. Много дороже.

А Оптима сидел на своей лекции, молчал и ждал. Потому что знал: время — переменная. А он уже подставил значение.

Глава 4. Тихий год

Семестр кончился так, как кончаются все семестры: зачётками, пересдачами, усталыми коридорами, пахнущими кофе и безнадёжностью. Оптима исчез. Не громко, не драматично — просто перестал появляться. Сначала перевёлся на вечернее. Потом взял академический отпуск. Потом его след потерялся в бюрократическом шуме университета, как сигнал, который поглотила тишина.

Наталия думала, что забыла. И действительно забыла — днём. Днём всё работало: статьи, конференции, защита диссертации мужа, которую она помогала вычитать по ночам, хотя слово «помогала» не совсем точное — она переписывала, перестраивала, вытягивала на себе, как вытягивают раненого с поля боя. Ремонт в кухне растянулся на три месяца. Лямбда заболел ухом, и две недели Наталия капала ему капли, шепча: «Терпи, функция восстановления работает». Жизнь шла, как идёт вода по каналам, — ровно, предсказуемо, без прорывов.

Но ночами — в ту узкую щель между «ещё не сплю» и «уже не думаю», когда логика отключается, а сознание ещё теплится, как уголь, — она слышала его голос. Не слова. Не ту дерзкую фразу, которую можно разобрать на цитаты и повесить на стену студенческого мемориала. Голос. Тембр. Низкий, ровный, без вызова, без мольбы — голос человека, который говорит потому, что знает. Не верит — знает. Как знают законы физики. Как знают, что солнце взойдёт.

Она просыпалась с ощущением, что кто-то только что был в комнате. Лямбда спал на подушке, муж храпел в своей половине кровати, за окном гудела ночная магистраль. Никого. И всё же — кто-то.

Год прошёл. Год, в котором не было ничего нового — только привычные, затёртые циклы: лекции, проверка работ, кафедральные собрания, где говорили о бюджете и рейтингах, как будто это имеет значение. Наталия убеждала себя: наглость студенческое хулиганство. Мальчик, который хотел показать себя, эпатировать, оставить след. Двадцать лет — возраст, когда фразы важнее поступков, а слова — это оружие без патронов. Она почти поверила. Почти.

Но «почти» — это состояние, которое в машинной логике не определено. Нет такого узла: «почему верю». Нет такой ветви: «почему не могу перестать». Нет алгоритма, который объясняет, почему женщина с Degree, кафедрой и котом по имени Лямбда раз в месяц, ложась в кровать, прислушивается к тишине — не к внешней, а к внутренней, — и слышит там голос, которого не должно быть.

Однажды вечером, убирая прошлогодние журналы в архив, она наткнулась на тот — с красной точкой. Пальцы замерли. Имя «Оптимизм» стояло в списке, зачёркнутое пометкой «академ. отпуск». Красная точка рядом с ним была чуть ярче остальных, будто чернила легли глубже, будто ручка в тот момент нажала сильнее, чем нужно.

Наталия закрыла журнал, поставила его на полку. Вышла. Остановилась в коридоре. Тишина университета — особая, акустическая, с эхом — обняла её со всех сторон.

И в этой тишине она впервые честно сказала себе то, что до этого прятала за словом «почти»:

Я жду.

Не его. Не возвращения. Не похищения. Просто — жду. Как ждут перемен, которых не заказывали. Как ждут звука, которого нет, но который должен появиться. Как ждёт система в нулевом состоянии, не зная, какой переход будет следующим, — зная только, что он будет.

Она развернулась и пошла по коридору. Каблуки стучали ровно, чётко, как метроном. За окном начиналась осень — вторая после той лекции. Листья ещё держались, но уже сдались, уже стали золотыми, уже были готовы упасть.

Оставалось восемь лет.

Глава 5. Девять нулей

Годы идут. Не проходят — идут. Как строевой шаг, как метроном, как поезд по рельсам, которые ведут туда, куда Наталия не заказывала билет.

Тридцать четыре. Защита докторской. Тридцать пять. Заведующая кафедрой. Тридцать шесть. Развод.

Брак распался не из-за драмы — не было ни скандалов, ни чужих рук, ни разобранных телефонов. Он распался из-за тишины. Той самой, которая заполняет квартиру, когда двое людей перестают спрашивать друг друга «как день» — не потому что устали, а потому что ответ не важен. Муж-коллега собрал вещи в три коробки, поцеловал её в лоб, как пациентку, и сказал: «Ты давно уже не здесь». Наталия не стала спорить. Он был прав. Она давно была не здесь. Только непонятно — где.

Кот Лямбда умер на руках у ветеринара, тихо, без мольбы, как и жил. Наталия держала его тёплое тело и думала не о коте — о том, что функция завершения вернула null. Пустое значение. Ничего.

Через месяц она купила нового кота. Серого, с белым пятном на груди, похожим на звёздочку. Назвала Сигма. Потому что сумма меняется, когда меняются слагаемые. Потому что нужно двигаться дальше. Потому что если не назовёшь — не начнёшь.

Сигма мяукал. Громко, требовательно, по-живому. И от этого мяуканья Наталия впервые за полгода плакала — не от горя, а от того, что звук доказывал: жизнь производит сигнал. Сигнал есть. Значит, система работает.

Каждый год — каждый — в день той лекции, в первую среду октября, она ловила себя на одной и той же мысли. Не осознанно, не намеренно — мысль появлялась сама, как вспышка на экране, как уведомление, которое нельзя закрыть: *Ещё один год. Ещё ближе.*

Она считала. Не потому что хотела считать — потому что считалось само. Третий год. Четвёртый. Пятый. Шестой. Временная шкала сокращалась, как тесьма на корсете, и с каждым годом дышать становилось то ли теснее, то ли свободнее — она не могла разобрать.

На седьмой год она попробовала смеяться над собой. Стояла у окна, смотрела на октябрьский двор — жёлтый, мокрый, равнодушный — и сказала вслух, обращаясь к Сигме, который дремал на батарее:

— Это же была шутка. Студенческая шутка. Двухлетний мальчик хотел показаться взрослым. Всё. Конец истории.

Сигма открыл один глаз, посмотрел на неё и закрыл. Смех, который она издала, был странным — коротким, рваным, с клекотом на выдохе, как будто кто-то наступил на что-то хрупкое внутри. И никто не смеялся вместе с ней. В квартире было тихо. За окном шёл дождь. И тишина была громче, чем в год развода, потому что тогда рядом был хотя бы кто-то, с кем можно было молчать. Теперь — только кот и октябрь.

На восьмой год Наталия поймала себя на том, что перестала ждать. Не в том смысле, что отпустила — нет. В том смысле, что ожидание стало фоном, как гул магистрали за окном, к которому привыкаешь настолько, что перестаёшь слышать. Она не ждала — она жила в этом ожидании, как рыба живёт в воде, не замечая её.

На девятый год, в первую среду октября, Наталия Новикова проснулась раньше будильника — в который раз за девять лет, тело помнило дату, которую разум пытался стереть. Она лежала в темноте, смотрела в потолок и думала: *Завтра — десять. Завтра ему будет тридцать. Завтра заканчивается срок.*

Она повернула голову. На тумбочке стоял будильник — цифры 06:04 светились зелёным, ровным, машинным светом. Сигма спал, свернувшись клубком. Квартира была тихой, чистой, безупречной, как алгоритм без ошибок.

И Наталия Новикова, заведующая кафедрой, доктор наук, женщина, построившая жизнь как бинарное дерево, где каждый узел имел смысл, а каждая ветвь — обоснование, — впервые за девять лет позволила себе то, что запрещала всегда.

Она подумала: *А что если он не шутил?*

Мысль была маленькой. Как трещина. Как семя. Как ноль перед запятой — ничего не значит, пока не поставишь единицу после.

Один ноль. Два нуля. Девять нулей.

Девять лет, каждый — как ноль. Пустой. Ничего. Ничего не происходило. Ничего не менялось. Ноль, ноль, ноль — девять раз подряд.

Но в машинной логике есть правило, которое Наталия преподавала сама: строка из девяти нулей — это не ничего. Это ожидание ввода. Система стоит и ждёт, пока кто-то нажмёт клавишу.

Завтра — десятый ноль. Или единица.

Наталия закрыла глаза. За окном начинался рассвет — последний перед той самой средой. Сигма во сне шевельнул лапой, будто догонял что-то невидимое.

Остался один день.

Глава 6. Оптима. Тёмный периметр

Того, чего Наталия не знает: Оптима не исчез. Он сделал вид, что исчез — перевёлся, взял отпуск, стёрся из списков, растворился в бюрократическом шуме, как сигнал, который не прекратился, а просто сменил частоту. Он ушёл с её радаров, но не из мира. Он начал строить.

Ему было двадцать. Только что произнёс — при двухстах свидетелях — фразу, которую весь зал принял за шутку. Он не стал объяснять. Объяснять — значит оправдываться. Оправдываться — значит сомневаться. А он не сомневался ни секунды.

Он ушёл из университета в тот же семестр. Не потому что выгнали — потому что взял всё, что мог: её методологию, её логику, её манеру строить рассуждение от предпосылки к выводу без единого лишнего шага. Он забрал это, как забирают инструмент из рук мастера, когда пора работать самому.

К восемнадцати он уже кодил. К двадцати — разрабатывал системы безопасности для корпораций. Стены, которые думают. Периметры, которые чувствуют. Двери, которые решают. Корпорации платили за паранойю, и Оптима продавал им свою — холодную, точную, безупречную. Каждая система, которую он ставил, была фрагментом чего-то большего. Чего-то, что он не показывал заказчикам. Они получали охрану. Он получал чертежи.

Цитадель.

Двести этажей. Не небоскрёб — организм. Он проектировал её не как архитектор, а как логик, как человек, которого научила Наталия Новикова видеть мир как дерево решений, где каждый узел имеет смысл, а каждая ветвь — обоснование. Он взял её урок и вырос из него, как дерево растёт из семени, которое не просили сеять.

Нижние этажи — технические. Бездушные. Серверные, энергоядра, насосные станции, системы климат-контроля, которые гудят низким, вибрирующим звуком, похожим на дыхание спящего зверя. Там нет окон. Нет света, кроме аварийного — красного, узкого, как щель. Бинарное дерево без листьев: только ветви, только переходы, только логика ради логики. Там Оптима поставил память Цитадели — вычислительные мощности, способные просчитать любой сценарий, любое движение, любой шаг, который сделает Наталия, когда окажется внутри.

Средние этажи — переходные. Лабиринты, коридоры, лестницы, которые меняют конфигурацию по его команде. Каждый уровень — отдельное правило. На тридцатом этаже невозможно бежать, потому что все коридоры ведут назад. На семидесятом — нельзя кричать, потому что акустика гасит звук, превращает его в шёпот, в дыхание, в ничто. На сотом — пол застелен тёмным деревом, и шаги по нему звучат, как удары сердца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.